

**Как ДИМКА за
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
боролся**

**ДИМИТРИЙ
СУСЛИН**

Дмитрий Суслин

**Как Димка за права
человека боролся**

«автор»

2006

Суслин Д. Ю.

Как Димка за права человека боролся / Д. Ю. Суслин — «автор», 2006

Герои этой повести уже известны читателю. Это все те же братья Коржики. Лешка и Димка – главные действующие лица из книги веселых рассказов «Валентинка». Только вот в этот раз разрассказывает не Димка, а Лешка. И рассказ этот не очень-то и веселый. В семье Коржиков произошло большое несчастье. Димка закончил первую четверть с двойкой по русскому языку, и мама его наказала ремнем. Димка решил выяснить, можно ли бить детей, и соседская девочка Вика, дала ему почитать книгу о правах человека. Из нее и узнал Димка Коржик, что взрослые не имеют право наказывать детей ремнем. А еще он узнал, что каждый ребенок имеет право на заботу родителей. И решил Димка, что раз родители не знают, что у него есть права ребенка, то надо их с ними познакомить. Особенно папу, который не только не живет с сыновьями, но и вообще совершенно не заботится о них, словно он и не отец вовсе. Осталось только узнать, где он живет, зайти к нему и показать конвенцию «О правах ребенка». Неужели после этого папа не изменит своего мнения?

© Суслин Д. Ю., 2006

© автор, 2006

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	13
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Суслин

Как Димка за права человека боролся

Повесть

1

Самый печальный день

Мама Димку все-таки выпорола. А потом сама же и расплакалась. Села рядом с ним на диван и стала плакать. А я еще раньше расплакался, еще до того, как она его бить начала. Если бы у нас было две комнаты, то я бы обязательно убежал в другую комнату и закрыл за собой дверь, чтобы ничего не видеть. Но у нас только одна. Поэтому я сидел за шкафом на нашей с Димкой кровати и плакал.

А Димка не плакал. Он ни слова не проронил, когда его мама ремнем лупила. Он только тогда разревелся, когда мама начала плакать. Так мы все трое и плакали. Сначала они вдвоем сидели, а потом я к ним подошел.

Димка это мой старший брат. Я учусь в третьем классе, а он в пятом. В пятом «Б». Сегодня закончилась первая четверть, а у него в дневнике четвертная двойка по русскому. Вот его мама и наказала. Она уже две недели обещала это сделать, если он двойку принесет. Мы очень надеялись, что двойки не будет, но Татьяна Анатольевна ему все-таки двойку поставила. Как он ни старался. Но эти тесты и диктанты! Димка их терпеть не может. Всегда за них двойки получает.

Хорошо начался пятый класс. Ничего не скажешь. Не зря нас уже сейчас им пугают. Да-да, наша учительница Маргарита Павловна так и говорит:

– Ничего, вот перейдете в пятый класс, там вам учителя покажут, что такое настоящая учеба. Там вас жалеть не будут. Три шкуры с вас драть будут. Что заслужите, то и получите.

Вот так оно у Димки и получилось. А когда он у Ольги Васильевны учился, то у него двоек не было. Тройки были. Куда же без них? А вот двоек не было.

А теперь вот.

Мне Димку очень жалко. И себя тоже. Мне ведь тоже через два года в пятый класс идти. А теперь я уже заранее туда не хочу. Какая радость учиться, когда с тебя три шкуры дерут?

У нас дом рядом со школой стоит. Надо только дорогу перейти, и ты дома. Так вот, мы два часа до дома шли. А потом еще час во дворе на лавочке сидели. Домой не шли. Не хотелось. Хотя мамы дома не было. Она у нас поздно приходит. Сидели и молчали. Говорить не хотелось. Только когда дождь пошел, мы домой поднялись. Димка, как мы в квартиру зашли, сразу же разделся и пошел за шкаф. Лег там на кровать, лицом зарылся в подушку и ни слова. Даже есть не стал. Я тоже не стал, хотя очень хотел. А потом мама пришла...

Вообще нас мама никогда не бьет. Ругается, конечно, как все мамы. Ну, там, подзатыльник иногда даст, по рукам шлепнет. А так, чтобы ремнем, никогда. И вот сегодня такое. Прямо напасть на нашу семью!

Потом мама, вся расстроенная, даже какая-то серая, я ее никогда такой не видел, ушла на кухню, стала посудой греметь, а мы с братом остались вдвоем. Мы еще некоторое время поревели, а потом устали. Нельзя же реветь вечно. Димка достал свой мобильный телефон и стал с ним играть. А меня даже не замечает.

– Дим, – прошептал я, прижимаясь к нему, – больно было?

Димка шмыгнул носом и прошептал в ответ:

– Не больно. Я уже ничего не чувствую. А вот тут, – он ткнул мобильником себе в грудь, – вот тут больно.

– Ничего, – попытался я его успокоить, – в следующей четверти ты справишься.

– А если не исправлюсь? – тихо воскликнул Димка. – Если опять двойка будет? Опять меня драть придется?

Я поежился от страха. А что, если действительно опять двойка будет? Двойки они ведь такие. Раз, и появляются.

Мы опять помолчали. Потом нас мама на ужин позвала. Мы ели молча, хотя обычно у нас за столом всегда шумно, без аппетита. И еда мне казалась какой-то безвкусной. Даже жевать ее было тяжело, и приходилось все чаем запивать. Но хуже всего стало, когда мама пирожные достала.

– Вот, – словно извиняясь, сказала она, – я специально купила, чтобы отметить конец четверти.

Мне сразу расхотелось их кушать эти пирожные. В первый раз со мной такое случилось в жизни.

Смотрю, и Димка тоже на пирожные не смотрит, уткнулся в свой бокал с чаем и делает вид, что пьет.

– Не хочется? – спросила мама.

– Не хочется, – сказал я.

А Димка ничего не сказал. Мама молча убрала их в холодильник. Лучше бы она их вовсе не доставала.

2

Димка принимает решение

А потом мама телевизор стала смотреть, а мы пошли купаться. Мы с Димкой всегда вместе купаемся. Вместе ведь интереснее. В воде столько игр можно придумать. Только сегодня мы играть не стали. Просто сели в воду и сразу стали головы намыливать. От горячей воды, от душистой мыльной пены все равно как-то легче нам стало и не так грустно. Смотрю, даже Димка уже не такой мрачный. Теперь только задумчивость у него в зеленых глазах осталась. Я обрадовался. Раз он теперь не так переживает, значит, и я тоже могу поиграть. Я взял из нашего тазика с игрушками водолаза и акулу и стал с ними играть. Сначала у меня водолаз от акулы уплывал, а она его все равно съедала, затем наоборот, он был охотником на акул и гонялся за ней. Обычно в эту игру мы вдвоем играем. Жутко весело. Но сейчас мне пришлось сразу за двоих отдуваться. Что делать?

Вообще мы с Димкой очень друг на друга похожи. Нас даже близнецами дразнят. Только он чуть выше и сильнее, а так нас и не отличишь. Что значит, братья.

– И все-таки так не должно быть, – сказал вдруг Димка и стукнул кулаком по воде, я аж водолаза выронил. А потом он еще раз стукнул и еще.

Это первые громкие слова, которые я от него услышал, с того момента, как мы домой зашли.

– Что не должно быть? – спросил я.

– Нельзя детей бить.

– Конечно нельзя, – согласился я.

– Даже за двойки нельзя.

– И за четвертные?

– За любые.

Я задумался, а потом спросил:

– А взрослых можно?

– И взрослых тоже нельзя. Только детей особенно.

– Кому нельзя детей бить? Только взрослым или детям?

– Никому.

– Да, а помнишь, как ты меня на прошлой неделе побил, когда я твою мобилу спрятал?

Димка покраснел:

– Ты мне тогда тоже хорошо дал. Это мы подрались. Так не считается.

– Считается, – сказал я, – еще как считается. Ты меня старше и сильнее. Ты тогда меня поколотил и я плакал.

– Ты у нас вообще плакса.

Это верно. Меня очень легко до слез довести. Это потому что я самый младший в семье. Во всяком случае, так мама говорит.

– Конечно, – говорю, – любой заплачет, когда его бьют, а он и ответить не может, как следует.

– Я больше не буду с тобой драться, – буркнул мой брат.

– Ну, иногда подраться можно, – немного подумав, сказал я. – А то неинтересно будет.

– Хочешь, я тебе спину мочалкой потру? – сказал Димка.

Я очень люблю, когда мне спину мочалкой трут.

– Давай. Потом я тебе.

А потом, Димка вдруг мне говорит:

– Ты, Лешка, еще маленький, не все понимаешь. Есть такие законы, которые запрещают детей бить.

– Что это за законы такие? – удивился я.

– Какие-то права, называются. Точно не помню, а только к нам в класс девчонки приходили из десятого класса, рассказывали. Жаль, что я тогда плохо слушал. Если бы знал, показал бы маме, когда она за ремень схватилась, и не пришлось бы тогда нам всем плакать.

Я разозлился на Димку:

– А почему ты плохо слушал? Слушать надо, когда такие нужные вещи рассказывают.

– Да, вот, так вышло, – мой брат развел руками. – Я тогда у Ваньки Парандеева как раз игру новую скачал, хотелось опробовать.

На это мне возразить нечего. Игры, хоть в мобильнике, хоть в компьютере, это такая вещь, как увлечешься, ничего на свете не замечаешь. Я сам однажды так заигрался на перемене, что даже на урок опоздал, потому что звонка не услышал, и у меня Маргарита Павловна отняла телефон, еле потом выпросил.

Тут мама к нам заглянула:

– А ну, хватит в воде торчать! Сколько можно. Быстро выходите и ложитесь спать. Никаких телевизоров и сотовых на ночь.

Обычно мы дольше купаемся. Но сейчас не поспоришь. Пришлось вылезать.

– Ничего, – сказал Димка, помогая мне вытереться. – Одна из тех девчонок, в нашем доме живет. Я ее знаю. Вот пойду завтра к ней, и все у нее узнаю.

– Сейчас уже поздно, – удивился я. – Тебя уже побили.

– Правду узнать никогда не поздно. Найду тот закон, выпишу его и покажу маме. Пусть знает, что она почти преступление совершила.

Я так ничего и не понял. При чем тут закон? И что это такое?

А ночью у Димки случился приступ. Это потому что он астмой болеет. Очень опасная и тяжелая болезнь. Человек даже умереть может. Когда у Димки такие приступы бывают, я весь холодею и тоже дышать не могу, хотя у меня никакой астмы нет. Очень это страшно.

Наша мама врач, и даже кандидат наук. Она как раз эту болезнь и лечит. Даже в детской больнице работает, где дети с астмой лежат. Димка тоже один раз лежал. Мама его почти вылечила. У нас приступов уже год не было. Нет, полтора. А сегодня случился. Под утро. Они чаще всего под утро случаются, когда больше всего спать хочется. Только я сразу просыпаюсь, когда мама начинает бегать, суетиться и давать моему брату всякие препараты. А Димка в это время так тяжело дышит, в груди у него что-то свистит и хрипит, а сам он становится весь белый, потный и чужой. Затем его начинает душить кашель. Это хуже всего. Мне сразу жить не хочется. Я начинаю плакать, а мама меня ругает.

– Чего реवेशь?

– Ага, – отвечаю, – а вдруг Дима умрет? Я боюсь!

– Не говори таких вещей! Никогда, ты слышишь? Ишь, чего выдумал.

Дима сидит на стуле рядом с кроватью, мама растирает ему руки и ноги, я с него глаз не спускаю, и трясусь от страха. Через какое-то время ему становится легче. Это понятно, когда кашель смягчается и становится реже. Я внимательно за ним наблюдаю. Ага, вот он начал розоветь, вот уже на меня смотрит и понимает, что это я перед ним, а не пустота. Я сразу ему улыбаться начинаю. А он мне. Я взял его руку и крепко в нее вцепился, как будто Димка убежать хочет, а я его не пускаю.

Мама дала ему стакан молока, затем ингалятор, чтобы смягчить дыхание. Через полчаса все успокаивается, и мы ложимся спать. Измученный Дима засыпает первым. Затем я. Уже, во сне я слышу, как в своей кровати всхлипывает мама. Мне так ее становится жалко. И Димку тоже и себя. Слезы сами на глаза наворачиваются, но сил, чтобы плакать уже нет. Я засыпаю.

3

Катя знает все

Утром мама на работу не пошла. Сказала, что до обеда будет с нами. Это, значит, что она за Димкой наблюдать будет. Так всегда после приступа бывает.

А чего за ним наблюдать? Он такой, как будто ничего ночью и не случилось. Как проснулся, сразу за свой мобильник и давай играть.

– Мам, – занял я, – мы гулять сегодня пойдем?

– Щас! – в голосе у мамы возмущение. – Прямо без еды и без одежды. В трусах и майках, да? Идите, ради бога.

– Ну, мам, а после завтрака? У нас же каникулы.

– У вас каникулы? – мама сделала круглые глаза. Димка сразу сделал вид, что ничего не слышит и не видит, кроме своей игры, хотя на самом деле он очень даже внимательно слушает. – Я не ослышалась?

– Каникулы, – сказал я. А чего мне было бояться? Я ведь двойку за четверть не получал.

– Никаких гулять, – отрезала мама. – Будете все каникулы заниматься русским языком.

– А меня за что? – закричал я. – Я ведь не двоечник!

Димка молча, показал мне кулак.

– Вы должны отвечать друг за друга, – устало сказала мама. – Так должно быть всегда. У вас кроме друг друга никого нет.

Она так часто говорит.

Затем мама достала фонендоскоп, поставила нам градусники, смерила давление. Мы были вполне здоровы. Даже Димка. Потом мы завтракали, а после завтрака мама долго работала за компьютером, а Димка писал упражнения по русскому языку. Вот так, у людей каникулы, а мой брат должен сидеть и делать эти дурацкие упражнения. А я теперь тоже словно наказан, потому что ни телевизор включить, ни радио, и компьютер занят. Играть мне теперь не с кем, потому что брат мой занимается. Даже на мобильнике поиграть нельзя, потому что звук надо отключать. А что за игра без звука? Я чуть с ума не сошел, пока Димка писал. Этот час мне показался вечностью. А потом мама проверила у Димы работу, все там перечеркнула, отругала его, по голове ему настучала и велела все переписать заново. Я чуть не взвыл. Да что это такое делается?

А Димка ничего говорить не стал. Гордо сел и стал писать. Тут я не выдержал и стал ныть:

– А мне что делать? Я больше не могу тихо сидеть. Я играть хочу.

А мама на меня наорала:

– Займись чем-нибудь! Книжку почитай!

– Не хочу я читать! Я гулять хочу.

– Одевайся и иди.

– Я без Димы не пойду.

– Дима сегодня гулять не пойдет! Он болеет.

– Значит, и я не пойду.

– Значит, не пойдешь!

Вот и весь разговор. Но я не сдавался:

– Я играть хочу! С Димой. Пусть он потом напишет!

Тут мама по-настоящему разозлилась. Лицо у нее потемнело. Глаза сузились.

– Лешка, ты у меня сейчас тоже ремня получишь!

Но я тоже разозлился:

– Ну и получу! Подумаешь! Давай, выпори меня, как Димку вчера! Ремнем!

Мама вздрогнула и жалобно так Димке говорит:

– Дима, что ты молчишь? Он же твой брат. Ты должен на него влияние оказывать.

Димка посмотрел на меня, потом на маму, вздохнул и пошел в чулан, затем пришел с моим баяном и сунул мне его в руки.

– Пусть играет. Мне это не мешает, – сказал Димка и так на меня посмотрел, что мне сразу спорить расхотелось, хотя сейчас меньше всего на свете мне хотелось играть на баяне.

– Точно, – обрадовалась мама. – Теперь все заняты. Никто без дела не сидит. Только ты, Леха, иди на кухню играть.

Мне ничего не осталось делать, как поплестись на кухню и играть на баяне.

Так прошел еще час, мама печатала, Димка писал, я играл на баяне. Сначала я играл нарочно плохо и громко, потом мне это надоело, и я стал нормально играть.

Потом мы пообедали, мама собралась и ушла. Наконец-то мы остались одни.

– Давай играть, – подскочил я к брату. – Во что будем?

– Не хочу, – угрюмо ответил Димка. – Устал я.

Вот те раз! Я его столько ждал, а он теперь играть не хочет. Безобразие.

– А что тогда будем делать?

– Ничего.

– Это почему?

– Мне подумать надо.

– О чем ты будешь думать?

– О своем.

– А мне что тогда делать?

– Делай, что хочешь.

Тут мне совсем обидно стало. Да что это такое получается? Я тут его ждал, ждал, чуть с ума не сошел от безделья, а он? А он играть не хочет.

– Дим, ну чего ты, в самом деле? Мне же скучно!

– Леха, ты без меня что, ничем заняться не можешь?

– Не могу. Давай, играть.

Все-таки я его уломал. И мы стали играть в наши любимые игры. В настольный хоккей, в баскетбол, сражались на шпагах. И все же Димка был не такой, как обычно. Все-таки двойки вредно получать. Вот они проклятые, что с человеком делают. Был человек, веселый, добрый, а тут не мальчик, а какая-то тряпка. Все игры проиграл, мне даже неинтересно стало. Пришлось нам телевизор включить и мультфильмы смотреть. Гляжу, а он и мультики плохо смотрит, о чем-то своим думает. Мне сразу тоже неинтересно стало.

– Может, видик посмотрим? – предложил я. – Давай Шрека?

– Давай, – вяло согласился Димка, а ведь это его любимый фильм.

Поставил я кассету, а он не смеется. Серьезно смотрит, даже над ослом не хохочет. Я совсем расстроился. Вчера у нас день был жуткий, а сегодня не лучше.

– Дим, ты теперь всегда такой будешь? – спросил я.

– Какой такой? – удивился он.

– Не веселый, – говорю.

– А чего веселиться? Я ведь теперь не человек. Я двоечник. Нам, двоечникам веселиться не положено. Не имеем таких прав.

Опять права какие-то. Вчера он о них твердил.

– Я маму попрошу, она тебе купит эти права, – сказал я.

Тут Димка первый раз за день улыбнулся.

– Эх, Леха, Леха, – говорит, – ничего ты не понимаешь.

– Так объясни, – говорю.

– Не могу. Я сам не все знаю.

Тут я вспомнил, что он про какую-то девчонку говорил.

– Пойдем тогда узнаем, прямо сейчас у той старшеклассницы, про которую ты рассказывал.

– Нам же нельзя из дома выходить.

– Так она же в нашем доме живет. Ты сам говорил. Если мы к ней пойдем, то и получится, что мы из дома и не вышли. Она не в нашем подъезде живет?

– Нет, она в соседнем подъезде.

– Вот видишь, – обрадовался я. – Соседний подъезд, это же почти наш. Когда мама идет к тете Вере, она даже пальто зимой не одевает. Значит, получается, что и мы не выйдем из дома, потому что соседний подъезд не считается.

Димка посмотрел на меня и вдруг просветлел, глаза у него сразу прозрачными стали.

– А ведь верно, – говорит. – Пошли к ней.

Мы быстро собрались, и побежали в соседний подъезд. Мы очень торопились, потому что боялись передумать и хотели быстрее все сделать, пока наша смелость не пропала. Вбежали мы в соседний подъезд, и я спросил:

– А в какой она квартире живет?

Димка растерянно закрутил головой:

– Ты думаешь, я знаю?

– Что же нам, во все квартиры звонить? Тут знаешь, их сколько?

Наш дом большой, целых двенадцать этажей, на каждом этаже по четыре квартиры, это столько квартир получится!

– Что же делать?

Смотрю, а Димка опять неживой становится. Тут я испугался и сразу придумал, что нам делать.

– Пойдем, – говорю, – к Катке Лемминг. Она всегда все про всех знает.

– Точно, она все знает, – обрадовался Димка.

И мы побежали на четвертый этаж.

Катка, это наша подруга. Вернее моя. Да, моя, потому что я ее с детского сада знаю. Мы в одну группу ходили. В общем, так, я даже на ней жениться собираюсь. Уже давно. Целых четыре года. Раньше я всем об этом говорил, что Катя моя невеста. Сейчас стесняюсь, но это не значит, что я передумал. Ничуть.

Правда в последнее время Катя себя как-то странно ведет. Когда мы встречаемся, она больше с Димкой играет, чем со мной. Мне это обидно. Я начинаю злиться, а ей хоть бы что. Девчонки они такие. Непостоянные. Не то что, я. В общем, я стараюсь с Катей встречаться, когда брата рядом нет. Это редко бывает, поэтому и с Катей я играю не часто. Жаль что она из другого класса. То ли дело в садике было! Разлучила нас жестокая жизнь.

Теперь ради брата я даже решил пожертвовать собой, то есть не собой конечно, а Катей. Добежали мы до Катиной квартиры и стали звонить.

– Кто там? – прозвучал голос за дверью.

Мы облегченно вздохнули. Какое счастье, что она дома! Ее на каникулы очень часто к бабушке отправляют на житье. Так, что нам повезло.

– Катя, открывай! Это мы, Коржики! – закричал я.

Это мы между собой ее только Каткой называем, а при встрече только Катей. Попробуй ей скажи «Катка», она так фыркнет, да еще и скажет: «Какая я тебе Катка? Катки все в деревне. Там коров так называют. А я Катя, понял, дурак?». Такая вот она моя Катя. А Коржики, это мы с Димкой. Такое у нас прозвище. Это потому что у нас фамилия такая Коржик. Да, такая вот веселая и редкая фамилия. Меня когда в школе к доске вызывают, сразу все улыбаться начинают. И я тоже. Мне моя фамилия нравится. Вкусная у нас с братом фамилия. Коржик, это ведь тебе не борщ и даже не салат. Коржик это коржик.

Катя открыла и удивилась:

– Привет, вы это чего? Ой, Дима, а ты правда двойку за четверть получил?

Димка не стал ломаться или врать, только головой мотнул. И правильно сделал. Чего тут такого?

Катя открыла глаза от ужаса:

– Кошмар. И что с тобой сделали дома?

Вот этот вопрос мне уже не понравился:

– Тебе, – говорю, – какое дело? Отругали и все! Ты нам лучше скажи, ты знаешь, в какой квартире девчонка из десятого класса живет?

– Какая такая девчонка?

– Тебе же сказали, из десятого класса.

– А у нас в подъезде таких не мало. Кстати, вы заходите, мальчики, чего в дверях стоите. Это неприлично.

Мы у Кати дома сто раз были. Ничего страшного. Мы зашли, но раздеваться не стали. Некогда.

– Давай, говори, – сказал я.

– А кто вам нужен? Вы мне хотя бы ее опишите? А зачем вам она? – Катя от любопытства даже покраснела. И не сводит глаз с Димки. Мне это не понравилось. Вот ведь, теперь она в него в двоечника еще больше влюбится. Некоторые девчонки, я слышал, очень любят хулиганов и двоечников.

– Давай, говори, – это я уже Димке говорю. – Как она выглядит, твоя десятиклассница.

Димка слегка смутился, а потом стал вспоминать:

– В общем, она такая, большая. Взрослая.

– Они все такие! – засмеялась Катя. – Ты что-то особенное говори. В чем она ходит? Какая у нее сумка?

– Ты думаешь, я знаю, в чем она ходит, и какая у нее сумка? – разозлился Дима. – Мне больше делать нечего, чем такие глупости помнить? Она кудрявая и полненькая слегка. В общем... красивая. Да. И улыбается всегда.

Катя задумалась.

– Кажется, я знаю, о ком вы говорите, – сказала она. – А зачем она вам?

– Тебе, какое дело? – возмутился я. – Сказано, что ищем ее и все тут.

– Тогда я ничего не скажу, – отрезала Катя. Все-таки девчонки вредный народ. Даже противный.

Тут слово взял Дима.

– Она к нам в класс приходила, – сказал он, – очень интересно рассказывала, но я не все понял, а теперь мне надо у нее спросить.

Катя посмотрела на моего брата и кивнула:

– Поняла. Она к нам тоже приходила. Про права человека рассказывала. Тебя это интересует?

– О, точно, – обрадовался Димка, – права человека. А я все никак вспомнить не мог, что там за права такие.

Я смотрел на них и не мог понять, о чем они говорят. Права человека какие-то. Вот у дяди Саши, маминого брата есть водительские права. Это чтобы машину водить. Это я понимаю. А что за права человека? Наверно тоже что-то вроде паспорта.

– Так, где она живет? – спросил Дима. – Ты скажешь?

– На десятом этаже в такой же квартире, как и моя, – стала объяснять Катя. – Или на девятом. Нет, точно, на десятом.

4

Вика дает Димке книги

Мы быстро вышли и побежали вверх. Вернее Димка побежал, даже лифт не стал вызывать. А я за ним.

– Стойте, ребята, я с вами! – закричала нам вслед Катя, и слышу, она уже за мной топает. Какие эти девчонки все любопытные.

Добежали мы до десятого этажа, стоим, отдышаться не можем. В звонок не звоним.

– Даже спасибо не сказали, – проворчала Катька.

– А ты чего за нами увязалась? – огрызнулся я. – Тебя звали?

– А я, может, тоже не все поняла, – ответила Катька. – Тоже хочу спросить кое-что. Что, не имею права?

– Имеешь, имеешь, – сказал Димка. – Тогда ты и звони.

– А вот и позвоню!

И Катя смело нажала кнопку звонка.

Сначала никто не открывал, затем послышались шаги, дверь открылась, и за ней оказался какой-то высокий лысый дядька с усами, да еще и в очках. Но самое смешное, он был в халате длинном и теплом. Он удивленно на нас посмотрел, а потом спросил:

– Макулатуру собираете?

– Нет, – ответила Катя. – Нам нужна Вика Никитина из десятого А.

– Ах, Вика! – почему-то обрадовался дядька. – Так вам нужна моя дочь Виктория?

Вот тебе раз, так это, оказывается ее отец. В смысле, той девочки, которую мы ищем.

– Да, – ответила Катя.

– Тогда прошу, – и Викин отец гостеприимно пропустил нас в квартиру. – Виктория! К тебе пришли гости. Очень молодые люди. Я бы даже сказал дети.

В прихожую вышла Вика, увидела нас и заулыбалась. Я ее сразу узнал. Она иногда на нашем этаже дежурит с красной повязкой. За дисциплину отвечает. Так вот, оказывается, кто к Димке в класс приходила. Оказывается, и к Кате приходила. Несправедливо, а в нашем классе она ничего не рассказывала.

– Папа, это ребята из нашей школы, – весело сказала Вика, – это Катя Лемминг, а это Дима и Леша Коржики.

Вот это да! Она, оказывается, нас знает. И имена и фамилии. Ну, правильно. Старшеклассники все знают.

– Коржики? – удивился Викин папа.

– Это фамилия такая, – сказал Димка.

– Очень приятно, – пробормотал Викин папа. – Какие у вас фамилии необычные. Лемминг, значит, и Коржик? А мы вот просто Никитины.

– Проходите в мою комнату, – Вика гостеприимно показала нам на дверь, на которой были три большие таблички с рисунками, запрещающими одна курить, другая пить, а третья держать собак.

Но как только мы вошли в комнату Вики, к нам навстречу выскочил очень симпатичный пудель. Он сразу подбежал ко мне и стал обнюхивать мои карманы. Пришлось угостить его кириешками. Хорошо, что они у меня в кармане оказались.

– Муха, как тебе не стыдно? Опять попрошайничаешь? – делая вид, что сердится, накинулась на собаку Вика.

– Да, ладно, – сказал я, – мне не жалко.

– Садитесь, ребята на мой диван и рассказывайте, какая нужда вас привела, – сказала Вика.

Мы сели на яркий цветастый диван, и я ткнул Димку локтем, рассказывай, мол.

– Расскажи нам про права человека! – выпалил брат.

– Так я ведь вам уже рассказывала, – удивилась Вика.

Димка смутился, но тут вмешалась Катя:

– А мы не все запомнили. Хотелось кое-что уточнить.

– Кое-что уточнить? – Вика хитро улыбнулась. – Здорово. А я помню, когда я рассказывала, ты Коржик Старший, играл на своем сотовом телефоне и не слушал.

Димка покраснел, как рак и смущенно закрутил головой.

– Я слушал, я не смотрел, но я все слышал.

– Ладно, ладно, не оправдывайся. Видимо у тебя что-то случилось, раз ты о правах человека вспомнил. Ага, значит, в следующий раз не будешь играть, когда о важных вещах речь идти будет?

– Не буду, честное слово не буду!

– Ну, хорошо, что же вам рассказать? Только учтите, у меня времени очень мало. У меня очень важная встреча.

Тут оживилась Катя:

– Важная встреча? А с кем?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – засмеялась Вика.

– Значит, это свидание с парнем, – с умным и всезнающим видом произнесла Катя. – И он тебя ждет под часами с букетом цветов?

– Да погоди ты со своими цветами, – возмутился Димка, он вскочил с дивана подошел к Вике и посмотрел ей в глаза: – Расскажи мне самое главное.

Вика сразу стала серьезной.

– Знаешь, что мы сделаем? Я тебе дам книги, по которым я готовилась к встрече с вами, ты их внимательно изучи, прочитай, и если ты парень не глупый, а ты, я вижу, очень даже смысленный, то тебе многое станет ясно. А если чего не поймешь, то спросишь меня. Идет?

– Идет.

Вика подошла к шкафу, который стоял около дивана, открыла его и стала доставать книжки.

– Вот это книга называется «Ваши права», здесь в статьях из декларации расписаны все права человека. Они действуют во всем мире. Эту книгу даже первоклашкам читать можно. Эта «Азбука гражданина» за восьмой и девятый классы.

Я не выдержал и свистнул:

– За девятый класс? Да разве ты чего там поймешь, Дим?

– А ведь верно! – задумалась Вика.

– Пойму! – Димка испугался, что Вика не захочет ему давать такую взрослую книгу, и вцепился в нее руками. – Пойму. Десять раз прочитаю, а пойму.

– Ладно, бери. Там все равно не все читать надо. Я тебе нужные параграфы карандашом отмечу. И вот эту тоже бери. – Следующая книжка оказалась совсем небольшой, и даже тоненькая, как детские книжки.

– А что это? – спросил Дима.

– А это брат, не смотри, что книжка маленькая. Это очень даже большая и важная книга. Это Конституция России, – Важно подняла вверх указательный палец. – Главный закон нашей страны. Там вся вторая глава про права человека.

Димка жадно схватил и эту самую Конституцию. Вика достала последнюю книжку. Тоже тоненькую и маленькую. Еще меньше, чем Конституция.

– Это, тебе тоже понадобится.

– А что это?

– Это конвенция «О правах ребенка».

Тут мы все трое рты так и раскрыли:

– Права ребенка? – переспросил Димка. – Ты не шутишь?

– Неужели и такие есть? – Катя тоже недоверчиво смотрела на Вику.

А я, честно говоря, вообще ничего не понял. У меня просто голова кругом пошла от всех этих прав.

– Да, именно права ребенка, – Вика засмеялась, а потом стала серьезной. – Хоть ребенок и человек, но закон защищает его особенно тщательно. Поэтому кроме прав человека особое место в современном праве занимают также права ребенка. Ну что, разберетесь сами?

– Разберемся, – уверенно сказал Димка. – Спасибо, Вика.

– Пожалуйста. Только книги мне верните до того, как каникулы закончатся.

– Вернем.

И мы пошли к выходу. Вика и Муха нас проводили до двери, а из кухни выглянул Викин папа и помахал нам рукой.

– До свидания! – ответили мы ему хором.

Когда дверь за нами закрылась, мой брат, сияющий от счастья, и прижимающий к груди Викины книжки, сказал:

– Вот, теперь я все узнаю.

– Пойдем домой? – спросил я.

– Пойдем, – кивнул Дима.

– А можно и мне с вами? – спросила Катя.

Конечно же, мы позвали ее с собой. Катя только домой забежала за курткой и шапочкой, и мы отправились к нам. Дома мы разделись, и стали смотреть книжки, которые нам дала Вика. И тут мне сразу стало неинтересно. Книжки все были скучные. С картинками была только книга «Ваши права». Я стал их рассматривать, а читать мне было лень. Там были только какие-то странные статьи. Они так и назывались, статья 1, статья 2 и так тридцать штук. Буду я еще время тратить, чтобы их читать. Остальные книги были еще хуже, я их даже листать не стал. Скуотища. Я так и сказал:

– Ерунда это все!

Смотрю, а Катя тоже зевать начинает и в сторону нашего ящика с игрушками посматривает.

– Сам ты ерунда, – сказал Димка и забрал у нас с Катей все книги, положил их на свой стол и начал листать.

Я пожал плечами. Вот уж не привык я видеть брата с книгой в руках. С мячом или там, с клюшкой хоккейной, или с мобильником, ладно, но с книгами, да еще и с учебниками за девятый класс. Невероятно.

– А ладно, – говорю я Кате, – пусть себе смотрит, если ему охота. Все равно ему скоро это все надоест. Давай пока поиграем.

У Кати глаза сразу загорелись:

– А во что?

– В человека паука!

– Чур, я злобный гоблин!

И мы стали играть с моими монстрами. Вот за что мне Катя нравится, так это за то, что она в отличие от других девчонок любит монстров и здорово с ними умеет играть. Такие игры придумывает, что даже Димка удивляется. Прямо в кино ходить не надо.

Мы долго играли, и я все ждал, когда же Димка бросит ерундой заниматься и с нами за дело возьмется. А он, в нашу сторону и не смотрит, словно и не слышит, листает свои книжки,

и листает, что-то там читает, лоб морщит, брови хмурит и язык от напряжения высунул, словно упражнения по русскому языку переписывает.

Мы с Катей уже наигрались, у нас человек паук десять раз уже погиб, а потом снова ожил, и гоблин победу одержал, мы уже пошли на кухню, стали чай разогревать, а он все читает.

– Димка! – позвал я его, когда чайник вскипел. – Иди чай пить.

– Пейте без меня! – крикнул он.

– Ну, уж нет, – отвечаю я. – Так нечестно! Я тебе уже чай налил и сахар положил, три ложки. Так что приходи, давай. Нам без тебя скучно. Если ты не придешь, мы твое пирожное съедим.

На это конечно никто не согласится, и Дима пришел в кухню, а в руке у него эта самая Конституция.

– Ну и что ты там прочитал? – спросила Катя. – Чего пишут в твоей Конституции?

– Чего пишут? – буркнул Дима. – У нас с вами есть право на жизнь и свободу, вот что пишут.

– Как это право на жизнь? – удивилась Катя. – На свободу, это я еще понимаю, нельзя человека в клетке держать. А при чем тут жизнь?

– Не знаю, – сказал Димка и взял пирожное. – Живем мы, живем, и не знаем, что у нас на это право есть. А оно у нас есть.

Слушаю я весь этот разговор, а понять ничего не могу. Словно они на каком-то другом языке разговаривают. Эх, что значит, я только в третьем классе учусь. Далеко меня обогнали Дима и Катя.

А ночью у моего брата опять приступ был. И опять мама бегала по квартире, я держал Диму за руку, и мне нечем было дышать, и я плакал, боясь за него и за себя.

5

Дима заводит тетрадь по праву

Зря я надеялся, что моему брату надоест читать эти самые книги о правах человека. Димка теперь все время стал проводить за письменным столом с этими книгами. Как с утра встал, так и за стол. Читает их, листает, а потом и вовсе такое сделал, что я очень удивился. Сбежал в магазин и купил толстую тетрадь в яркой обложке, какие у старшеклассников бывают. Глянул я на его тетрадь внимательнее и узнал на ней наш российский флаг и герб с двуглавым орлом. И крупными буквами написано: «Право 8–9».

– А что значит восемь и девять?

– Это тетрадь за восьмой и девятый классы, – ответил Димка. – Право это такой школьный предмет, его старшеклассники изучают.

– Круто! – сказал я. – А зачем тебе это надо?

– А что, если я только в пятом классе учусь, то мне знания о моих правах не нужны?

– Нужны, – говорю я, хотя сам думаю, что зачем они нужны, раз о них только в восьмом классе расскажут. – Ну а тетрадь тебе для чего?

– Надо, – сказал Димка. – Я в нее нужные и полезные статьи буду записывать.

Вот это да! Мало того, что ему надо двадцать упражнений по русскому языку сделать, так он еще и статьи какие-то выписывать собрался. Совсем с ума сошел. Как девчонка. Это они постоянно в каких-то своих дневниках глупости разные записывают. Вот у Кати этих дневников уже штук пять наверно. А она все пишет и пишет. Теперь же и мой брат писаниной заняться решил. Этак, он со мной совсем играть перестанет. Так я Диме и сказал:

– Ерунда это все! И зачем это тебе нужно? А когда ты теперь рисовать будешь?

– Глупый ты, Лешка, – сказал мой брат.

– Это почему это? – я возмутился.

– Рисование от меня никуда не уйдет, – ответил Дима. – А вот это мне надо поскорее выучить и запомнить. Это же каждая статья может мне в жизни пригодиться.

– Как это может тебе какая-то глупая статья пригодиться?

– А вот как! К примеру, хотим мы на улицу погулять пойти, а мама нас не пускает. Сколько раз так было? А теперь я знаю, что статья номер Двадцать два из Конституции России дает мне это право, потому что каждый человек имеет право на свободу. Об этом же говорится в Первой статье Всеобщей Декларации прав человека.

Ну, ничего себе! Это каких же слов он успел нахвататься! Но я не собирался сдаваться:

– А мама скажет, что ее ничего не волнует, и что гулять она нас не пустит и все.

– А я ей скажу, что Конституция, это самый главный закон, и что ее даже сам президент нарушать не может.

– Ну, уж президент может! – уверенно возразил я. – Это же президент!

– А вот не может. Потому что Конституция даже главнее президента, и он не имеет права ее нарушать!

До меня вдруг кое-что стало доходить.

– Так вот что такое право! – воскликнул я. – Это значит, что если мне что-то можно делать, значит я имею на это право, а если нельзя, то уже не имею.

– Выходит, что так, – согласился Димка. – А ты, Леша, не такой уж и глупый. Хоть в третьем классе только.

– Так уж поумней тебя, – съязвил я. – У меня оценки получше твоих будут.

– А вот я тебе сейчас как дам в ухо за такие слова!

– А не имеешь права! – радостно воскликнул я.

Димка засмеялся:

– Вот значит как. Дошло до тебя, что такое иметь право? Научил я тебя на свою голову. А оценки у тебя лучше моих потому, что ты в мои старые тетрадки подсматриваешь, а мне все самому приходилось делать.

Я тоже засмеялся. Димка вдруг стал серьезным и говорит:

– А ведь, Леха, есть даже статьи про ремень.

– Где? Покажи! – разволновался я. – Неужели даже про ремень есть?

– А вот слушай. Статья номер двадцать два. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность..... и вот статья номер Три из Декларации. Каждый человек имеет право на личную неприкосновенность, жизнь и свободу.

– А где тут про ремень? – удивился я. – Ты, Димочка, что-то не то говоришь. Ничего тут про ремень и не сказано.

– Тьфу, ты! Какой бестолковый! – рассердился Димка. – Так неприкосновенность это и есть...

– Что есть?

– Что никто никого трогать не должен. Даже трогать никого нельзя без разрешения, не то что бить или ремнем пороть.

Я с сомнением покачал головой:

– Нет, брат. Это ты что-то не то говоришь. Раз тут про ремень ничего не говорится, то значит, ничего ты никому не докажешь.

– А я вот сейчас как отлуплю тебя! – Димка от ярости даже кулаки сжал.

Я даже испугался, отскочил на один шаг и быстро говорю:

– Не имеешь права. У меня эта самая, как ее, неприкосновенность.

Димка сразу же успокоился.

– То-то же, – говорит, – неприкосновенность. Я сегодня же маме покажу эти статьи. Пусть знает, что она нарушает права человека и права ребенка. За такие дела и под суд попасть можно. Если, конечно, я туда пожалуюсь.

Дима вспомнил, как его побили, и погрузился. Я решил поскорее его отвлечь от грустных мыслей и говорю:

– Пойдем играть. Потом свои статьи писать будешь.

– Не буду я играть. Мне делом надо заниматься. Это у тебя жизнь без забот и хлопот.

Я прямо чуть не расплакался.

– Это что же такое получается? – говорю. – Выходит, что я с родным братом теперь поиграть не имею права? Скажи, Димка, имею я это право или не имею?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.